

УДК 821.161.1-1

«БИСЕР ЯПОНИИ» АРИЯ ЛАНЭ В ИМАГОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

А. А. Елкина

Тверской государственный университет
кафедра истории и теории литературы

Статья посвящена одному из самых загадочных поэтов XX столетия – Арию Рафаиловичу Ланэ, а также его сборнику «Бисер Японии», в котором он создает поэтический портрет далёкой и чужой страны и который является попыткой постигнуть тайну «иноного» с помощью категории «своего».

Ключевые слова: Арий Ланэ, Япония, имагология, свой-чужой.

Более ста сорока лет прошло с тех пор, как в Японии появились первые европейцы, прежде чем сведения об этой стране стали публиковаться в России. Это случилось во второй половине XVII в., когда Япония твердо придерживалась политики закрытых дверей, изгнав из своих пределов иноземцев и запретив подданным отлучаться из отечества [1, с. 5].

Рубеж XIX–XX веков для всего мира стал переломным моментом – временем, которое известно своими открытиями и потрясениями. Россия не была исключением: страна встала на путь модернизации, пытаясь «догнать Европу», и столкнулась с новой силой – Японией. Распространяя свое влияние на все сферы культуры и став неотъемлемой частью общественного сознания, «японизм» занял, по праву моды, законное место и в русском мире. После русско-японской войны – и в результате этой войны – в русском сознании окончательно сформировались два образа Японии. Пользуясь расхожими выражениями тех лет, их можно определить как «страна гейш» и «страна самураев», «живописная Япония» и «желтая опасность». Казалось бы, они взаимно противоречат и даже исключают друг друга. Тем не менее они мирно и гармонично сосуществовали в русском сознании, в немалой степени сосуществуют и сейчас [4].

Одной из основных проблем взаимодействия двух культур является процесс освоения чужого через призму своего. Хороший пример этого дает русская литература Серебряного века – зеркало тогдашнего российского общества или, во всяком случае, его «активной фракции». В 1910-е и 1920-е годы многие русские поэты пробовали создать на русском языке оригинальные танка и хайку, пользуясь, правда, не японскими оригиналами, а переводами на европейские языки (с них же делались и первые русские переводы). Этой моде отдали дань Валерий Брюсов и Андрей Белый, Давид Бурлюк и Самуил Вермель, Андрей Глоба и Ольга Черемшанова – крупнейшие мастера и начинающие авторы [Там же].

Для отечественных поэтов творческие поиски, связанные с Востоком, прежде всего были подчинены их художественным убеждениям. Образ «другого» отражал «свой» эстетические пристрастия. И в данном имагологическом дискурсе весьма любопытным является творчество одного из самых загадочных поэтов начала XX века – Ария Ланэ.

Арий Рафаилович Ланэ – русский поэт, о котором неизвестно почти ничего: остались три книги стихов, публикации в журналах, казанских поэтических сборниках 1920-х гг., редкие упоминания в газетах и краткая автобиография. Из нее можно узнать, что поэт родился в 1894 г. и учился в смоленской гимназии, Варшавском университете и Институте восточных языков. Согласно автобиографии, стихи Ланэ начал писать с шестнадцати лет, печатался в детских журналах и провинциальных газетах. Дальнейшая жизнь Ланэ представляет собой загадку. Как сказано в автобиографии, Ланэ «жил: в Польше, Сибири, Кавказе, Крыму, Корее, Японии, Китае, Филиппинах. Был: делопроизводителем, начальником отдела, товароведом, научным работником, корреспондентом газет, хроникером, агентом» [3, с. 94].

Точным подтверждением того, что он побывал в Японии, остается его странный сборник стихов «Бисер Японии», который известен только в переиздании, по сборнику «Красочные пятна» (1920 г.) и «Века в минутах» (1921).

Само существование сборника «Бисер Японии» не установлено. Поскольку Ланэ нигде больше его не упоминает, возможно, это мистификация. Во всяком случае, его единственное стихотворение с точным японским топонимом и датой свидетельствует, что в августе 1917 г. он находился в Токио («Хичан»). Что привело его на Дальний Восток, каким образом он добрался до Филиппин – неизвестно. Весной 1920 г. Ланэ обнаруживается в Казани. Здесь начинается период бурной деятельности: совместно с В. Клюевой он публикует сборник «Красочные пятна», где помещает часть цикла «Бисер Японии» – едва ли не самое интересное из всего им созданного [Там же, с. 97]. Именно в нем Ланэ создает поэтический портрет далекой и чужой Японии. Одна из самых загадочных стран становится объектом художественной мысли поэта, диковинкой, которую Ланэ всячески трансформирует в своих стихах. Наряду с традиционными «жапонизмами» и обработками японских легенд и преданий в нем обращают на себя внимание урбанистические зарисовки и изображенные со знанием дела портовые кабачки, кабаре и проститутки. Колоритные визуальные, звуковые и даже тактильные образы создают отчетливую картину жизни и быта людей Страны восходящего солнца.

К примеру, в стихотворении «Уэно парк» из сборника «Века в минутах» дано изображение реального японского императорского парка в районе Уэно в городе Токио. Ланэ в следующих строках детально описал один из японских национальных праздников – ханами – любование цветущей сакурой: «И лепестки летят, целуя землю, и падают среди садов, / И покорившись красоте, я страстность шепотов напевно-нежно ощущаю...» [Там же, с. 48].

В стихотворении «Похороны» автор не только с точностью описывает японский похоронный обряд, проводящийся по буддистскому обычаю, но и передает отношение японцев к смерти и загробному миру. Поэт говорит о том, что смерть в понимании японца – вовсе не страшное явление, ведь «в загробной жизни так много сказок», а во время самой траурной процессии: «Никто не плачет. Идут покорно, / Считая радость красок...» [Там же, с. 49]. Ланэ настолько тонко чувствует другую культуру, что в своей лирике с невероятной точностью передает суть обрядовых действий японского народа.

В цикле «Бисер Японии» много стихов, посвященных молодым гейшам или их ученицам – майко. Это и одноименное стихотворение «Майко», и «Бьет, ударяет по струнам японка...», и другие. Тематика стихотворений довольно разнообразна: описания кабаков и гуляний, тяжелой доли молодых японок, проданных собственными отцами в рабство («Из песен “В гавани”»); религиозные мотивы – стихот-

ворения «Утренняя молитва», «Похороны», «В священной роще могилы знатных предков...». Много стихотворений цикла посвящено несчастной любви молодых японок к иностранцам, в частности, к морякам, – одна из реалий начала XX века после открытия страной портов для иностранной торговли. У читателя сразу может возникнуть сюжетная параллель со знаменитой песней «Девушка из Нагасаки», написанной в 1922 году Верой Инбер: «Он юнга, его родина – Марсель, / Он обожает пьянку, шум и драки. / Он курит трубку, пьёт английский эль, / И любит девушку из Нагасаки» [2, с. 15].

У Веры Инбер Япония предстает одновременно романтической и опасной, и это сочетание сплавлено воедино в китчевом тексте. В китче красота подменяет собой красоту, а настоящие чувства заменяют фальшивая сентиментальность и наигранная мелодраматичность. У Ланэ же подобные сюжеты несколько более романтизированны. Стихотворение «В осиневших горах, в хижине японской девушка сидела в счастье хризантем...» рассказывает одну из таких многочисленных историй: «Девушка страдала от любви сгоревшей, / И смотрела в море на изгибы волн, / И ждала наивно, в горести узревши / В красоте обмана уходящий челн» [3, с. 32].

Отдельно стоит акцентировать внимание на стихотворении «Тринадцать самураев» и поэме «В японском храме», которые можно назвать своеобразными революционными манифестами в отношении японского правительства, нового режима и позиции сторонников старой власти против открытия страны для иностранцев. В стихотворении «Тринадцать самураев» Ланэ отсылает читателей к событиям, происходившим незадолго до Реставрации Мэйдзи. Главными героями произведения являются тринадцать дай-самураев, но, скорее всего, речь здесь идет о полицейском самурайском отряде синсэнгуми, выступавшем на стороне правительства сёгуната и сражавшемся за возвращение старых порядков. Так пишет о них Ланэ: «Разбойники жизни. Творцы и безумцы красивой и / вольной свободы <...> / И к солнцу навстречу и спаяны сталью несутся мечтою / исканий, / И терпкая, горькая, глупая пошлостью, жизнь ненужных / страданий / Для них непонятна» [Там же, с. 42].

Во второй части поэмы «В японском храме» Ланэ описывает агрессию, которую проявляли британские подданные на японской земле по отношению к коренным жителям, рассказывает о насильственном навязывании западной культуры англичанами. Главный герой здесь – самурай, который верен старым порядкам, страдает от того, что происходит с его родиной, хочет изгнания чужаков и возвращения Японии к прежним традициям: «По дороге тянется / Длинный караван на тощих стариках. / Это в горы едут англичане, / На рабах культуру строят, издеваясь...» [Там же, с. 45].

Для героя родная страна здесь словно любимая, с которой он «лентой алого бессмертья опоясан» [Там же] и которую он хочет защитить от всех бед. Об этом и пишет Ланэ: «Злобно смотрит, пригибаясь, самурай, / Меч отточенный прижав к груди. / Шепчет: “Вечный Будда, покарай, / От врагов зловедных землю огради”» [Там же].

В отличие от «японесок» Брюсова, Бурлюка, Андрея Белого и других поэтов Серебряного века, которые представляли собой стилизацию классической японской поэзии (русские танка и хайку) или стихи о Японии, зачастую написанные под впечатлением от ее посещения, «бисерный» цикл Ланэ, первый в русской поэзии XX века опыт целостной реконструкции японской культуры, с одной стороны, близок к французскому «жапонизму», с другой – противоположен ему: художник изображал жизнь и быт другой страны так, как это видел он собственными глазами, и столкновение реального опыта с традицией изображения «инога» дает очень интересный результат.

В текстах Ланэ японское общество – абсолютно традиционно, но сам автор, как ни странно, выступает противником традиции. Контрасты, которыми пользуется поэт, порождены столкновением «абсолютного прошлого» и «революционного настоящего», что особенно ярко и проявляется в поздней поэме «В японском храме» (1920 г.). За счет этого получается некий абсурд. Реставрацию Мейдзи в лирике Ланэ можно назвать своеобразной метафорой Октябрьской революции 1917 года, которая, по мнению автора, была необходима нашей стране. О том, что автор был сторонником перемен и революции, говорят стихотворения и неазиатского цикла: «...Это атом от меня. Я не могу еще расправить / крыльев. В воздухе буря – когда она пронесется, / я полечу! / Я» [Там же, с. 8].

В отличие от других поэтов Серебряного века, которые составляли первые переводы, переложения и подражания японским танка, а также создавая их оригинальные образцы, Ланэ с помощью такого японского понятия, как «ути-сото» («свой-чужой»), своей поэзией переосмысляет сущность японской культуры. Он не старается сравнивать ее с культурой европейской, довольно детально описывает японскую жизнь, быт, традиции, обряды, а также дает четкую характеристику главным историческим событиям того времени. Зачатки имажинизма Ланэ можно скорее называть японским словом *イメージ* – «имэдзи», которое несет в себе целых два значения: «изображение» и «имидж», – это представление о стране, которое сознательно конструируется, будь то на официальном или на неофициальном уровне: этакий «Нихондзин-но Росиакан» (дословно «русский взгляд на японцев») [4].

Но легитимация такого взгляда возможна только при дистанцировании от культурной традиции и исчезновении представления о «своем»; русские, переселяющиеся в Китай, Южную Америку или Францию, как, к примеру, Валерий Перелешин и Пол Марсель, создают такого рода тексты, но русская диаспора в Японии слишком мала, и развития эта имагологическая модель не получает – тексты Ланэ остаются разовым экспериментом, хотя и весьма провокативным.

Список литературы

1. Иванова Г. Д. Русские в Японии XIX – начала XX в. Несколько портретов. М.: Наука, 1993. 170 с.
2. Инбер В. М. Бренные слова: третья книга стихов. Одесса: 1 Гос. тип., 1922. 66 с.
3. Ланэ А. Р. Бисер Японии: Собрание стихотворений. [Б. м.]: Salamandra P.V.V., 2017. 104 с.
4. Молодяков В. Японский бум в России. От рассвета до заката [Электронный ресурс] // Корпоративная имиджология. Научно-практический журнал. URL: <http://ci-journal.ru/article/599/yaponskii-bum-v-rossii> (дата обращения: 15.06.2019).

“BEADS OF JAPAN” BY ARIA LANE IN THE IMAGOLOGICAL DISCOURSE

A. A. Elkina

Tver State University
Department of History and Theory of Literature

The article is dedicated to one of the most mysterious poets of the XX century – Ari Rafailovich Lane, as well as to his collection “Beads of Japan”, where the poet creates

a poetic “portrait” of a distant and alien country, and which is an attempt to perceive the secret of “the other” on the basis of the category “one’s self”.

Keywords: *Ari Lane, Japan, Imagology, friend or foe.*

Об авторе:

ЕЛКИНА Анастасия Александровна – аспирант кафедры истории и теории литературы Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: philology.ruslit@tversu.ru.

About the author:

ELKINA Anastasia Aleksandrovna – Postgraduate Student at the Department of History and Theory of Literature, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: philology.ruslit@tversu.ru.